

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4483.

Воскресенье, 13^{го} Декабря, 1898 г.

№ 4483.

Какъ статскій совѣтникъ Бергманъ нанялъ себѣ слугу.

Альфреда Хеденстьерна.
(Переводъ съ шведскаго).

Благословеніе Господне сопровождало всѣ предпріятія Бергмановъ, такъ что у нихъ подъ конецъ скопилось по-

Ихъ семья состояла изъ сына, дѣльнаго, прекраснаго молодого человѣка, который почти самостоятельно велъ отцовскія дѣла, и двухъ хорошенькихъ, высокихъ дочекъ, немногимъ старше двадцати лѣтъ; обѣ были здоровы, свѣжи и благоухали, какъ только что испеченныя сдобныя булочки.

Въ одинъ прекрасный день господинъ Бергманъ, по заключеніи годового баланса, увидѣлъ, что за годъ полу-

стоящему положенію вещей мѣры, чтобы разъ навсегда, самымъ рѣшительнымъ образомъ выдѣлиться изъ всѣхъ остальныхъ обитателей Страндгольма.

— Я знаю, что надо!—послѣ долгаго размышленія воскликнула госпожа статская совѣтница. Она пошла за газетой и слегка дрожащимъ голосомъ стала читать: „По случаю смерти хозяина опытный и умѣлый человѣкъ ищетъ мѣста въ благородномъ семей-



Адамъ Мицкевичъ во время пребыванія въ Крыму.

ПАМЯТНИКЪ АДАМУ МИЦКЕВИЧУ въ Варшавѣ, открытый 12-го декабря 1898 г.

Адамъ Мицкевичъ.

лумилліонное состояніе, а въ началѣ своего жизненнаго поприща оба они, какъ самъ хозяинъ, такъ и госпожа Бергманъ, были бѣдными ребятишками, бѣгавшими въ разодранныхъ башмаченкахъ и отнюдь не увѣренными, что каждый день будутъ сыты.

чиль 63,711 марокъ 55 пфенниговъ барыша. По этому случаю за обѣдомъ послали Христину въ подвалъ за бутылкой шампанскаго, а за кофеемъ господинъ и госпожа Бергманъ единогласно признали крайнюю необходимость немедленно принять соотвѣтствующія на-

ствѣ. Имѣть хорошія рекомендаціи, одну изъ графскаго дома, гдѣ прослужилъ одиннадцать лѣтъ. Хорошо знаетъ сервировку. Просить адресовать предложенія въ Эспенродъ, до востребованія, „Надежному“.

— Вотъ кого надо нанять, Иоганнъ!

—воскликнула госпожа статская совѣтница.

— Гм—да! ужь это, дѣйствительно, бросится въ носъ здѣшнему люду,—отвѣтилъ папа.

— И какъ стильно! Ему надо будетъ сшить красивую ливрею,—сказали барышни.

— А въ свободное время онъ можетъ помогать въ упаковочной,—замѣтилъ молодой Бергманъ.

Полчаса спустя вся семья сидѣла и писала: барышни просили редакціи модныхъ журналовъ свѣдѣній о ливреяхъ, Бергманъ-junior требовалъ у торговыхъ домовъ прейсъ-куранты пуговицъ, галуновъ и т. п., а самъ папа строчилъ „Надежному“ въ Эспенродъ.

Одна мама не писала, но зато пошла прогуляться и поболтать съ женой начальника станціи.

— Дорогая моя, въ нашемъ домѣ скоро произойдетъ большая перемѣна,—говорила она.

— Нѣтъ? что вы говорите! Ахъ, какъ интересно! Извините, моя милая, мнѣ необходимо обгнать домой къ мужу,—отвѣтила жена начальника станціи и такъ покрасѣла, какъ будто ей подъ юбку залетѣла ракета. Но мужа она увидѣла только часа черезъ три, потому что прежде обѣжала всѣхъ знакомыхъ въ Страндгольмъ и вездѣ объявляла: „Одна изъ дочерей Бергмановъ выходитъ замужъ. Мнѣ сама мать намекнула на это!“

Къ счастью, оказалось, что „Надежный“ еще свободенъ и за какихъ-нибудь несчастныхъ 400 кронъ въ годъ былъ согласенъ поступить въ услуженіе.

— Ну, это не больше, чѣмъ получаетъ у насъ бухгалтеръ,—замѣтилъ Бергманъ-отецъ.

Когда „Надежный“ явился въ Страндгольмъ и справился на вокзалѣ, гдѣ домъ статскаго совѣтника и коммерсанта Бергмана, всѣ прогуливавшіяся на дебаркадерѣ дамы стали подталкивать другъ друга въ бокъ и шептаться.

— Посмотрите, вонъ прѣхалъ отецъ жениха, чтобы самому заранѣе все разузнать.

— Но отчего же на станціи нѣтъ никого изъ Бергмановъ?

— Но, моя милая, говорятъ, что это caché, совсѣмъ caché,—замѣтила жена начальника станціи.

Немного спустя, у параднаго подъѣзда Бергмановъ раздался звонокъ; отперла сама фрейленъ Луиза и, увидѣвъ передъ собою пожилого, благообразнаго и очень наряднаго господина въ цилиндрѣ съ сѣдыми баками, очень мило присѣла и спросила:

— Кого имѣю честь?...

— Не такъ торжественно, дитя мое... Намъ вѣдь придется вмѣстѣ служить. Доложите господамъ, что прѣхалъ Ионсонъ, „Надежный“, и онъ сънисходительно потрепалъ фрейленъ Луизу по щекѣ.

— Мамаша, Ионс..., т. е. господинъ Ионсонъ прѣхалъ!—совершенно смутившись, крикнула фрейленъ Луиза.

Хотя мамаша и бывала въ большихъ городахъ и видывала лакеевъ и швейцаровъ, чрезвычайно смыхиваю-

щихъ на статскихъ совѣтниковъ, но, увидѣвъ въ своей собственной передней важную фигуру „Надежнаго“, онъ же Ионсонъ,—совершенно растерялась. Въжливю раскланявшись, она протянула ему руку и сказала: „добро пожаловать, господинъ Ионсонъ, т. е. Ионсонъ, хотѣла я сказать. Дай Богъ, чтобы вамъ понравилось въ нашемъ простомъ домѣ. Кх.. кх... т. е. нашемъ домѣ.“

— Чрезвычайно благодаренъ, сударыня! Узнавъ, въ чемъ состоятъ мои обязанности, я...

— Конечно, конечно... да... мы, т. е. мужъ мой и я, вовсе не требовательны. Ваша комната.

— Мамаша, мамаша! это фрейленъ Луиза звала мать и такъ дергала ее за платье, что той ничего не оставалось дѣлать, какъ пойти вслѣдъ за ней въ столовую.

— Право же, невозможно, мамаша, помѣстить его въ коморкѣ около конторы. Надо отдать ему комнату рядомъ съ папиной.

— И я тоже думаю. Я и не воображала, что онъ будетъ такой важный. Ты слышала, онъ сказалъ „сударыня“. Если-бы это знали Цедерхеймъ и Вальдберги,—да они лопнули бы отъ зависти!

Фрейленъ Эмми и даже самъ папаша чуть не обѣшили при видѣ почтенной фигуры Ионсона. Единственно, кто остался невозмутимымъ—это Бергманъ junior: онъ былъ истиннымъ сыномъ своего вѣка и ничто не могло его поразить.

— Вонъ тѣ бочки надо сегодня же до обѣда скатить въ складъ,—коротко и ясно приказалъ онъ Ионсону, проходившему мимо дверей конторы.

— Какъ прикажете, господинъ ком. мерсантъ!—отвѣтилъ Ионсонъ и почти-точно снялъ шляпу.

Черезъ часъ онъ опять явился.

— Г. ком. мерсантъ!

— Что нужно?

— Бочки на мѣстѣ.

— Хорошо.

— Человѣкъ, который докатилъ ихъ до склада, требуетъ тридцать оре.

Какъ ни былъ самопадьинъ Бергманъ-junior, но тутъ и онъ смутился. Съ удивленіемъ взглянулъ онъ на лакея и отца и молча подаль ему двѣ монеты въ двадцать и десять оре.

— Очень благодаренъ, господинъ ком. мерсантъ!

Когда наступилъ торжественный моментъ идти къ обѣду, который по случаю важнаго событія вмѣсто двухъ часовъ былъ назначенъ въ половинѣ четвертаго, вся семья собралась въ смежной со столовой гостиной.

— Дѣти, ступайте къ себѣ наверхъ, а ты, Иоганнъ, спустись въ контору: Ионсонъ пойдетъ вамъ докладывать, что обѣдъ поданъ.

— Но, мамочка, развѣ намъ нельзя самимъ отнаться въ столовую?

— Я голоденъ, какъ волкъ!—жалобно взмолился отецъ.

— Помилосердуй, Иоганнъ! развѣ ты платишь ежегодно 400 кронъ за тѣмъ, чтобы самому, какъ какому-нибудь сапожнику, по часамъ идти къ столу?

Вернувшись изъ комнаты барышень, Ионсонъ съ поклономъ доложилъ: „Барышни еще не одѣвались, сударыня“.

— Развѣ вы дѣлали холодное обтираніе, дѣти?—спросила мать, когда минуту спустя дѣвушки появились въ столовой.

— Что? Почему ты спрашиваешь?

— Да вотъ Ионсонъ сказалъ... гм...

—госпожѣ Бергманъ вдругъ сдѣлалось все яснымъ: Ионсонъ привыкъ, чтобы дамы переодѣвались къ столу. Она чуть не сгорѣла отъ стыда.

И вотъ всѣ они сидѣли за столомъ, глядѣли другъ на друга, но не рѣшились обмолвиться хоть словечкомъ. Казалось, надъ этой маленькой и въ обыденное время столь счастливой семьей тяготѣло графское свидѣтельство Ионсона за 11-ти-лѣтнюю безупречную службу и придавило ихъ всѣхъ. Всѣ боялись сдѣлать глупость.

— Прощу извиненія, сударыня, я еще не получалъ ключа отъ виннаго подвала. Можетъ быть, прикажете горничной подать вино.

Хозяйка позвонила. Больше всего ей хотѣлось провалиться сквозь землю.

— Подай краснаго вина, Христина.

— Обѣ, что ли, бутылки или одну?

Госпожа Бергманъ чуть не расплакалась. Ионсонъ разлилъ вино съ выраженіемъ такого страданія, какъ будто разливалъ свою собственную кровь.

— Покорнѣйше прошу извинить, сударыня, сегодня температура вина подвальная. Это никогда больше не повторится.

Да, хорошо онъ служилъ за столомъ. Только что покончили съ пирожнымъ и десертомъ, какъ Ионсонъ поставилъ передъ каждымъ изъ господъ Бергманъ зажженную свѣчу.

— Какъ ты думаешь, мама, зачѣмъ это?—съ благоговѣніемъ прошептала Эмми.

— Право, дитя, не знаю.

— Должно-быть, это для папирсось,—прошептала Бергманъ-junior, который изъ всей семьи больше всѣхъ видѣлъ на свѣтѣ. Къ счастью, у папашы въ комнатѣ нашлись и папирсы, а то опять пришлось-бы краснѣть.

Когда господа поднялись изъ-за стола, Ионсонъ беззвучно распахнулъ обѣ половинки дверей въ гостиную, а самъ почтительно отошелъ къ запасному столу, гдѣ, подобно лошади на парадѣ, тотчасъ-же всталъ на позицію.

Всѣ чувствовали, что онъ чего-то ждетъ отъ нихъ, но чего собственно?

Наконецъ, папаша въжливю подаль руку мамашѣ и торжественно повелъ ее въ гостиную, внутреннею лѣстью себя надеждой, что именно этого и ожидалъ отъ него Ионсонъ.

Послѣ кофе папаша по телефону созвалъ гостей поиграть въ карты, всего на два стола, а то въ Страндгольмѣ нельзя было набрать больше людей, прилично умѣющихъ себя держать въ обществѣ.

— Вы хотите насъ познакомить съ своимъ будущимъ родственникомъ?—спрашивали всѣ хозяина.

Въ гостиной никакого родственника не оказалось, но черезъ открытую



А. В. Лонгиновъ,
предсѣдатель 1-го гражд. департамента одесской
судебной палаты. (По поводу 35-ти-лѣтней службы).



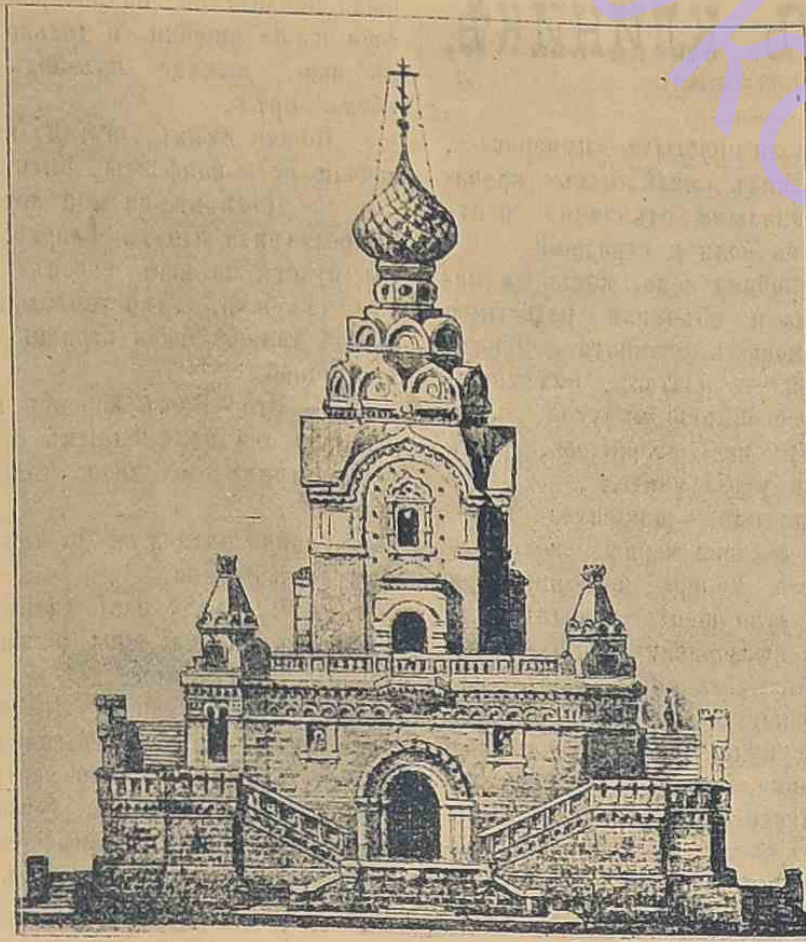
† Я. Н. Соловьевъ
драматургъ, работавшій въ сотрудничествѣ
съ А. П. Островскимъ.



О. Ф. Нукурановъ,
назначенный прокуроромъ херсонскаго
окружнаго суда.



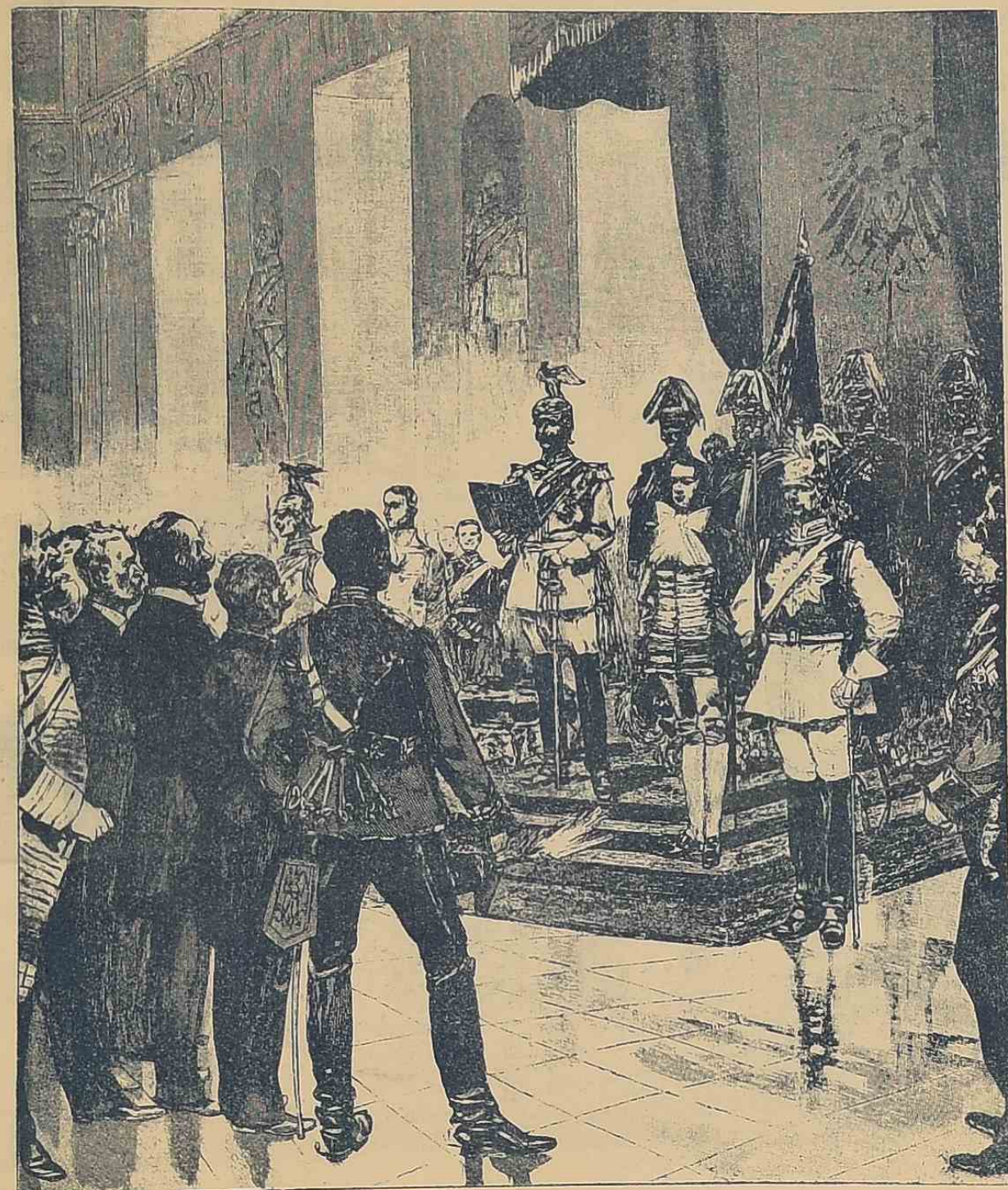
Офицеры иностранныхъ отрядовъ на о. Критѣ.



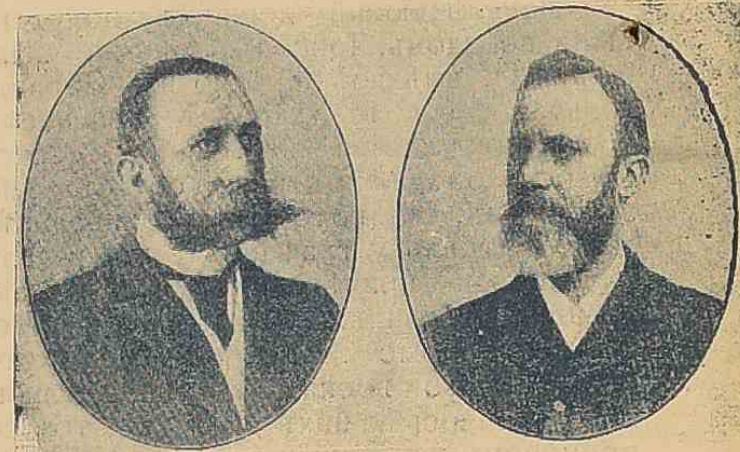
Усыпальница русских воиновъ, павшихъ въ турецкую кампанію 1877—78 г.г., освященная 6-го декабря 1893 г. въ окрестностяхъ Санъ-Стефано въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича.



Генераль-отъ-инфантеріи В. Д. Скалонъ, командиръ 8-го армейскаго корпуса.



Берлинъ.—Торжественное открытіе германскаго рейхстага императоромъ Вильгельмомъ.



Францъ фонъ-Баллестремъ, президентъ. А. Фреге, 1-й вице-през. Р. Эльберфельдъ, 2-й вице-президентъ германскаго рейхстага.

травоядного любопытства, чувство въ родѣ того, какое должна испытывать молоденькая провинциальная дѣвушка, когда ея возлюбленный въ одинъ прекрасный день возвращается къ ней изъ Парижа знаменитостью. Какъ? Въ этомъ жалкомъ обломкѣ женщины дѣйствительно таился богатый матеріалъ, изъ котораго въ какихъ-нибудь 15 мѣсяцевъ возможно было сфабриковать самую отборную кокетку? Тогда, когда она жила еще у него и шлепала по комнатамъ въ грязныхъ туфляхъ, въ пошломъ, плохо сидящемъ платьѣ, ошъ ни за что-бы этому не повѣрилъ. А этотъ молодой человекъ съ гвоздикой, наклонившейся надъ ней, кажется, влюбленъ въ нее по уши; ошъ, повидимому, пылаетъ страстью къ фальшивому золоту ея локоновъ, къ ея шеѣ, къ каждой частичкѣ ея тѣла, скрытаго подъ корсетомъ и шикарнымъ платьемъ.

«Вѣдь тотъ, другой, получалъ только то, что я ему оставилъ»,—думалъ ошъ и безъ усталости любовался своей женой до самаго конца спектакля. Она его не узнала, вѣроятно, даже не замѣтила: съ какой стати ей, въ самомъ дѣлѣ, удостаивать взгляда его вышивавшій жакетъ, потерявшійся среди массы элегантныхъ свѣтлыхъ пальто и фраковъ?

Не задумываясь ни на минуту, ошъ послѣдовалъ за ней, когда она подъ руку со своимъ прожатымъ выходила изъ театра. Потомъ ошъ видѣлъ, какъ она сѣла съ нимъ въ красивый элегантный экипажъ, запряженный парой сѣрыхъ пони... Лошаді тронули, и экипажъ умчался быстрой рысью...

На слѣдующій день ошъ подстергъ ее въ тотъ часъ, когда «ошъ» обыкновенно ѣздитъ въ романъ. Ошъ сразу узналъ сѣрыхъ пони и маленькій голубой экипажъ. Жозефина ѣхала такъ медленно, что ошъ долго могъ поглядывать за ней въ окошко. Помогъ она вышла изъ коляски и прошагалъ немного по тротуару. Ошъ поспѣшно срылся за кусты, боясь, какъ-бы она его не узнала.

Но потомъ, когда она остановилась у водопада, чтобы выпить стаканъ молока, ошъ увидѣвъ удобную минуту, завязалъ разговоръ со слѣдовавшимъ за ней на почтительно разстояніи служгой и узналъ ея адресъ: 22, Rue Prony.

Съ этой минуты ошъ путемъ цѣлаго ряда настойчивыхъ наблюденій изучилъ до мелочей всю теперешнюю жизнь его прежней жены. Ошъ слѣдовалъ за нею по пятамъ по всему Парижу — насколько, конечно, позволяли его служба и средства — въ садахъ, въ театрѣ, на скачкахъ, какъ влюбленный гимнастъ, бѣгающій за тачцовщицей.

Съ теченіемъ времени, ошъ, конечно, совершенно свылся со своей одинокой жизнью, которая многихъ людей даже привлекаетъ прелестью покоя, но видѣвъ Жозефону, узнали слѣдить за ней — сдѣлалось для него насущнѣйшей потребностью. Это внесло своего рода смыслъ въ его жизнь, въ этомъ ошъ находилъ своеобразную прелесть, не разъ спасавшую его въ часы полного одиночества. На эти своеобразныя экскурсіи, по время которыхъ ошъ ведетъ себя, какъ неопытный робкій влюбленный, ошъ иногда беретъ съ собою кого-нибудь изъ своихъ товарищей по службѣ и этому человеку, составляющему, такъ сказать, второе изданіе его самого, этому бѣдному мелкому чиновнику, такъ-же мало, какъ и ошъ, знакомому съ великосвѣтскимъ развратомъ Парижа, вселяющимъ въ него такой-же почти-тѣльный страхъ, — этому человеку ошъ и называетъ тогда «прелестью Жозефины» и начинаетъ входить въ тончайшія подробности: про домъ, въ которомъ она живетъ, про ея экипажи, про самыя глубокія тайны ея туалета, даже про ея физическую прелесть... А когда товарищъ, совершенно смущенный, спрашиваетъ его: — Но откуда, чортъ возьми, ты все это знаешь? Ошъ отвѣчаетъ съ довольною и таинственною улыбкой: — Я ее когда-то зналъ, даже иногда очень близко знавалъ!..

Хожденіе по водѣ.

Берлинская публика въ послѣднее время сильно заинтересована личностью Отто Гроссмана, оригинальнаго изобрѣтателя, которому удалось осуществить на практикѣ идею хожденія по водѣ. Опыты, произведенныя имъ недавно, въ Берлинѣ, свидѣтельствуютъ о практической пригодности его изобрѣтенія, и въ настоящее время Гроссманъ предполагаетъ похотѣйствовать себѣ привилегію на это изобрѣтеніе, которое можетъ оказаться весьма полезнымъ и для военныхъ цѣлей.

Для хожденія по водѣ Гроссманъ изобрѣлъ водные ботинки, представляющіе собой двѣ замкнутыя цинковыя трубки длиной около 7 метровъ и въ диаметръ около 15 сантиметровъ. На нижней части ихъ находится по пяти своеобразныхъ квадратныхъ клапановъ, которые при движеніи по водѣ направляются внизъ и затѣмъ прилегаютъ съ правой стороны къ башмаку, между тѣмъ какъ клапаны другого башмака, находящагося въ покое, остаются въ вертикальномъ положеніи и такимъ путемъ сами создаютъ извѣстное сопротивленіе въ водѣ. Ноги водохода находятся на верхней части башмака на простой подошвѣ и прикрѣплены ремнями. При движеніи водоходъ опирается на вертлковое весло, которымъ ошъ пользуется при помощи различныхъ приемовъ. Такимъ путемъ Гроссманъ быстро и съ увѣренностью движется впередъ; даже самая высокая волна, вызванная, напримеръ, движеніемъ быстро проходящаго парохода, не можетъ помѣшать ему. Оригинально то, что когда водоходъ приостанавливаетъ свое движеніе и останавливается въ водѣ, одна нога погружается въ

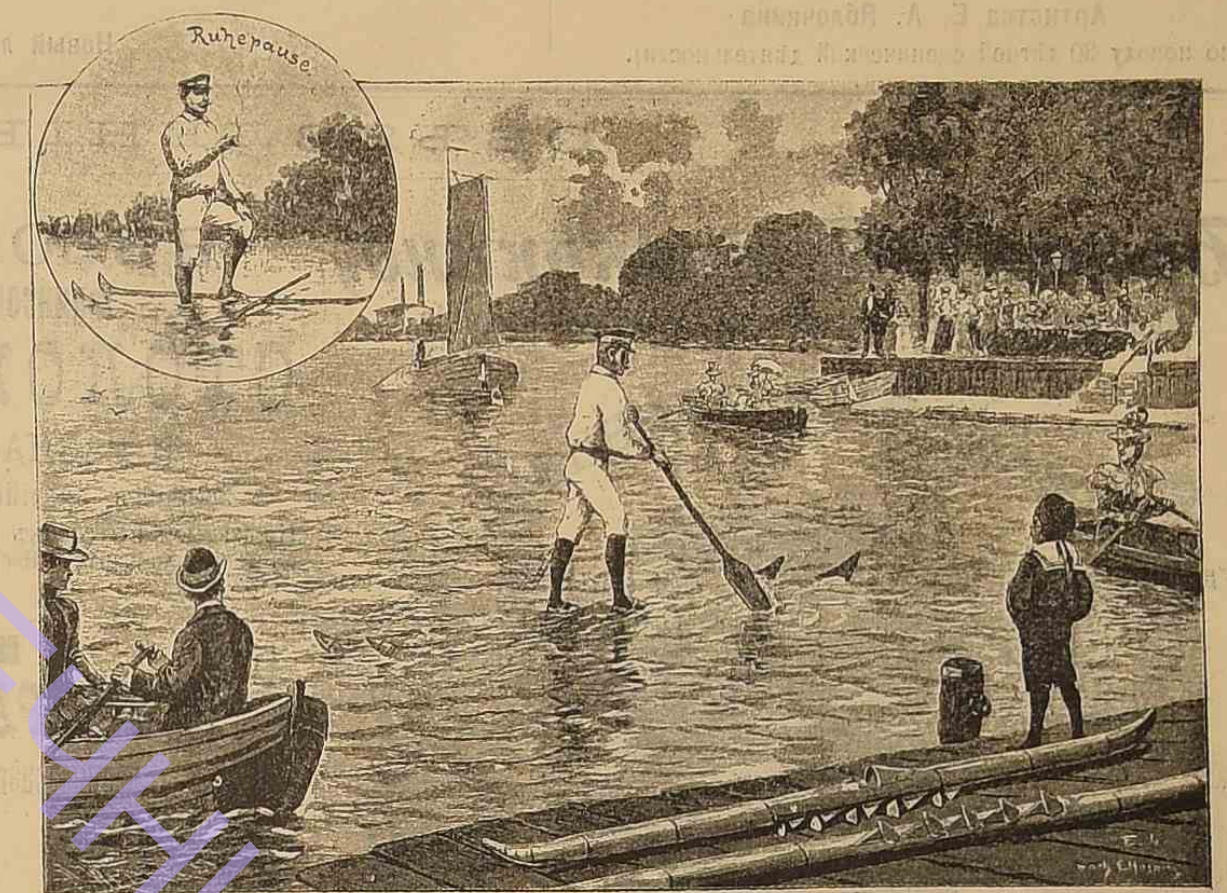
воду больше чѣмъ другая, приблизительно до колѣня, въ то время какъ при движеніи нога погружается въ воду только до щиколотки. Благодаря этимъ башмакамъ, человекъ можетъ не только двигаться, но и долго оставаться на водѣ. Въ послѣднемъ случаѣ ошъ не имѣетъ уже нужды въ веслѣ и можетъ, оставшись на водѣ, пить, ѣсть, курить.

Медаль въ честь Левинскаго.

Извѣстный артистъ вѣнскаго Бургъ-театра Иосифъ Левинскій праздновалъ въ маѣ мѣсяцѣ с. г. 40-лѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. По этому поводу друзья и почитатели артиста рѣшили теперь преподнести ему большую медаль въ память о юбилеѣ. На лицевой сторонѣ медали изображена характерная голова чествуемаго артиста и рядомъ съ ней имя, фамилія и возрастъ юбиляра. На обратной сторонѣ медали Левинскій изображенъ въ костюмѣ Франца Моора, который считается лучшей его ролью. Художникъ избралъ при этомъ лучший моментъ «Разбойниковъ» Шиллера, сцену четвертаго акта. Въ тревожномъ предчувствіи смерти Францъ Мооръ съ искаженными чертами лица бросается на полъ, вытисаетъ пальцами въ кресло, и изъ рукъ выпадаетъ у него шпага и подсвѣчникъ. Медаль представляетъ собой интересъ не только въ отношеніи къ чествуемому юбиляру, но и какъ прекрасное художественное произведеніе, дѣлающее честь ея автору.

ОВЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ.

Техники давно заняты мыслью объ устройствѣ летательнаго аппарата безъ употребленія шара. Летаніе по воздуху уже достигнуто при помощи такихъ аппаратовъ; однако послѣдніе могутъ быть применены только въ томъ случаѣ, если лица, производящія опять, направятся съ



Опыты хожденія по водѣ.

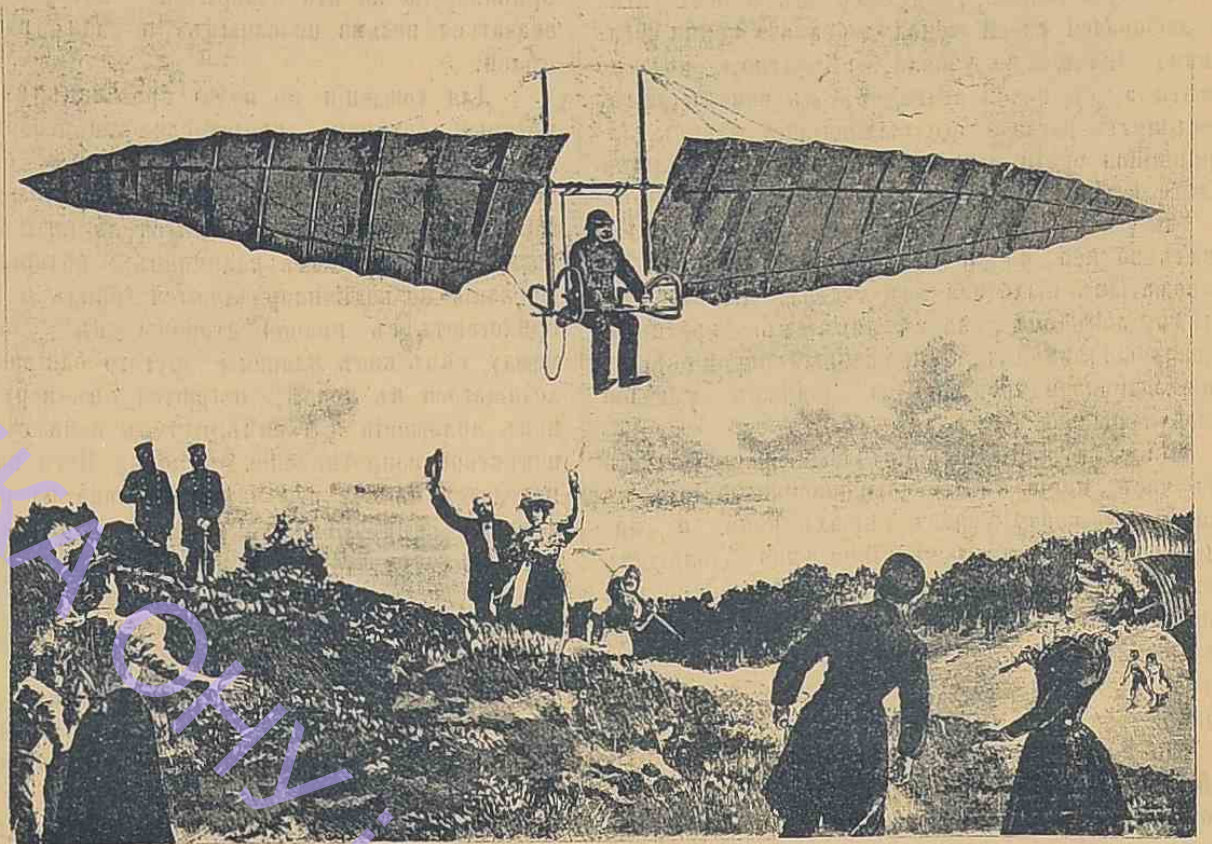
аппаратомъ къ вершинѣ какого нибудь холма и тамъ остановятся. Послѣ этого аппарату легко уже подняться на большую высоту. Въ этомъ смыслѣ устроенъ новѣйшій аппаратъ Буттенштедта, который испытывается теперь въ Берлинѣ. Крылья аппарата во время летанья остаются совершенно плоскими и не сворачиваются. Буттенштедтъ утверждаетъ, что свернутыя крылья при быстромъ движеніи производятъ столь сильное давленіе на переднюю поверхность, что аппаратъ опрокидывается. Дѣйствительно, недавно погибъ изъ-за этого берлинскій инженеръ Дилленталь, известный воздухоплаватель.



Медаль въ честь артиста Левинскаго.



Артистка Е. А. Яблочкина (по поводу 30 лѣтней сценической дѣятельности).



Новый летательный аппаратъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

Братья Петрокино,
Одесса, Греческая ул., № 26, собствен. зданіе.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
Фаянсовые, фарфоровые и хрустальные
СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ
и разная хозяйственная посуда.

лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ.
Произведенія русскихъ фабрикъ: ГАРДНЕРЪ въ Москвѣ, Товар. М. С. КУЗНЕЦОВА въ Твери, Харьковѣ и Ригѣ, А. И. ЕССЕНЬ въ Ригѣ, продаются ПО ФАБРИЧНЫМЪ ПРЕИСЪ-КУРАНТАМЪ.

БОЛЬШАЯ
ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ ВЫСТАВКА
разнообразныхъ изящныхъ и полезныхъ предметовъ
ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
изъ фарфора, фаянса, терракоты, маіолики, бронзы, хрусталя и проч.



Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 12 го декабря 1898 г.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

Редакторъ Е. В. Васковскій.